

УДК 172+329.11+329.17
DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-75-84
EDN: YCRJNV

А. Д. ПАРФЕНОВ

Тюменский
государственный университет,
г. Тюмень

КОММУНИТАРНЫЕ МОДЕЛИ КУЛЬТУРНОГО КОНСЕРВАТИЗМА

В статье анализируются коммунитарные модели культурного консерватизма. Выявляются специфические черты культурного консерватизма как формы консервативной теории. Проводится сравнительный анализ различных коммунитарных моделей культурного консерватизма, выявляются их общие и специфические черты. Делается вывод о том, что исходные коммунитарные принципы культурных консерваторов могут приводить к разным оценкам роли государства в проведении культурной и национальной политики, а также наиболее предпочтительных способов защиты и сохранения ценностей.

Ключевые слова: консерватизм, культурный консерватизм, культурная политика, коммунитаризм.

1. Консерватизм как форма социальной и политической теории. Принято выделять два основных подхода к понятию консерватизма. Первый подход сводит понимание консерватизма к простой склонности предпочитать известное неизвестному, полагаться на настоящее (или прошлое) и скептически относиться к любым радикальным изменениям либо связанным с такими изменениями планам. Майкл Оукшотт, один из главных сторонников этого подхода, открыто заявляет, что консерватизм не следует рассматривать как целостное мировоззрение. Будучи консерватором в политике, вы не обязаны быть консерватором в культурных, экономических, социальных и иных вопросах [1]. Близок к такому подходу и Сэмюэль Хантингтон, описывавший консерватизм как неидеациональную ситуационную идеологию¹. Михаил Ремизов отмечает, что было бы неверным мыслить консерватизм как нечто дискретное и статичное по своему содержанию. Консерватизм — это реакция на 'ситуацию современности', которая представляет собой совокупность негативных тенденций, свидетельствующих об исчерпании материальных и духовных ресурсов² [4, с. 99].

Второй подход восходит к идеям Карла Мангейма, в концепции которого консерватизм трактуется как особый стиль мышления, наряду с либеральным и социалистическим стилями [5]. В рамках такого подхода нередко возникают попытки найти объяснение 'метафизике консерватизма'³ [8, с. 8 — 11]. Понимание консерватизма как особого стиля мышления дает нам возможность выделять различные варианты и формы консервативных теорий. И ниже

мы сосредоточим внимание на культурном консерватизме как форме консервативной теории.

2. Культурный консерватизм: сущность и базовые принципы. Одной из задач современного культурного консерватизма является обоснование того, как «неравенства, которые естественным образом возникают из консервативных ценностей, обретают легитимность в практиках собственной культуры» [9, р. 457]. Культуроцентризм служит альтернативой экономоцентризму, характерной тенденции западных неоконсервативных течений в период 1970-х годов (тэтчеризм и рейганизм). Культурный консерватизм — это ответ на культурный прогрессизм в странах Запада⁴, естественная реакция на крайности либерального индивидуализма [10, р. 4]. Консерватизм был вынужден реагировать на переориентацию левых теоретиков с проблем экономики на проблемы культуры⁵. И пространство конфликта между левыми и правыми постепенно сместилось в сферу культурного противостояния, в борьбу за утверждение определенных ценностей⁶ [14, с. 18]. Важнейшим фактором возникновения и развития культурного консерватизма становятся глобализационные процессы, и прежде всего связанные с ними проблемы 'столкновения культур'⁷.

Культурный консерватизм содержит ряд отличительных признаков:

(1) *Культуроцентризм.* Данная установка связана с акцентом на культуре, понятой, прежде всего, как система ценностей и основанных на них практик, благодаря которым обеспечивается стабильное и эффективное функционирование политических, социальных и экономических институтов. Совре-

менные тенденции, вызванные либерализмом, приводящие к ослаблению роли культурных факторов, культурные консерваторы называют 'антикультурой'⁸. Среди консерваторов распространены апелляции к 'естественности'. Культуры и институты 'естественны', если спонтанно формируются под воздействием реальных потребностей общества. Культурные консерваторы выступают против любых 'искусственных' культурных изменений в целях эмансипации или эгалитарной справедливости.

(2) *Роль традиционных ценностей и морали.* Культурные консерваторы в качестве установки выдвигают именно акцент на традиции. Разные культуры предполагают разные традиции. Однако любая традиция представляет собой особый способ передачи социального знания, опирающийся на практику. Культурные консерваторы полагаются на традицию как на способ передачи моральных норм и ценностей, они отрицают моральный субъективизм, и потому акцентируют внимание на воспитании добродетелей, что невозможно вне определенных культурных практик, укорененных в традиции.

(3) *Социальный порядок, антиэгалитаризм и свобода как самоуправление.* Культурные консерваторы больше заботятся о сохранении социальных связей, формирующих социальный порядок, нежели о справедливости. Порядок связан с сохранением социального как такового, а справедливость является проектом абстрактного характера [17, р. 128]. Сохранение социального порядка ассоциируется с институтами, поддерживающими стабильное развитие общества и его выживание. Эти институты встроены в культурные практики и согласуются с ценностями общества. Культурные консерваторы разделяют общую для большинства консервативных мыслителей идею об иерархии как необходимом условии поддержания порядка. Во-первых, в любом обществе возникает естественное неравенство, которое связано с формированием элит. Во-вторых, для консерваторов важны отношения, основанные на авторитете. Свобода для культурных консерваторов является результатом порядка как системы институциональных условий, обеспечивающих совмещение принципа защиты индивидуальных свобод и воспитания ответственности перед другими членами общества. Свобода в этом смысле есть «развивающийся консенсус между индивидуальными и общественными интересами» [11, р. 17]. Консерваторы противопоставляют свободу как самоуправление свободе как эмансипации. Свобода как самоуправление возможна лишь в случае развития добродетелей, а потому нуждается в соотвествующих институтах, воспитывающих индивидов через систему правил, которые индивиды усваивают в результате участия в социальных практиках. Таким образом, основным моральным ориентиром для консерваторов является ответственность⁹ [19, р. 18; 20]. Акцент на связи социального порядка с наличием социальных иерархий и на понимании свободы как самоуправления, опирающегося на ответственность и долг перед другими, ставит культурных консерваторов в оппозицию к прогрессистским идеалам равенства и эмансипирующей свободы [21, с. 31].

Можно выделить две основные модели культурного консерватизма: коммунитарную и либертарную. Методологический индивидуализм либертарных моделей противопоставляется холистическому подходу коммунитарных (националистических,

плюралистических, национальных). Хотя нормативные выводы у сторонников данных моделей могут совпадать [22]. Недостатки либертарной модели культурного консерватизма лежат именно в плоскости метода и связаны с проблемами, которые возникают при попытках обоснования перехода от чисто политической составляющей либертарианства к выводам в отношении некоторой ценностно-культурной позиции [23].

3. Особенности коммунитарных моделей культурного консерватизма. Консерватизм как политическая философия или, в терминах Мангейма, особый стиль мышления, с самого своего зарождения содержал ряд мировоззренческих, методологических и эпистемологических установок, которые можно охарактеризовать как коммунитарные. Уже в работах Эдмунда Бёрка содержатся два основополагающих для консерватизма коммунитарных тезиса. Первый тезис говорит об особой роли сообществ, которые формируют идентичность индивида, обеспечивая его привязанность, лояльность и преданность по отношению к определенным группам. Сообщества или, как их называет Бёрк, 'малые отряды' (little platoons), формируют посредством обычаев и традиций ценностные установки индивидов. Благодаря участию в практиках сообществ индивиды усваивают критерии благой жизни, нормы морали и добродетели, обретают статусы и роли, а также представления о своей цели внутри общества. Малые группы и ассоциации создают сеть взаимосвязей, которая представляет собой гражданское общество, своеобразную 'буферную зону' между индивидом и государством. Второй тезис связан с особым отношением к обществу, которое воспринимается как объединение живых, умерших и еще не рожденных [18, с. 175]. Таким образом, консерваторы воспринимают общество как протяженное во времени единство, связанное сетью обязательств.

Для многих консерваторов типична ссылка на различие между понятиями 'сообщество' и 'общество'. Наиболее ясно данное различие раскрыто в работах Фердинанда Тённиса, который использовал термины *Gemeinschaft* (общность) и *Gesellschaft* (общество) [24]. *Gesellschaft* связано с непрямым взаимодействием, контрактными отношениями формального характера между людьми и группами. *Gemeinschaft*, напротив, характеризуется как тесное социальное взаимодействие, основанное на личных связях индивидов в виде прямых неформальных контактов. Консерваторы стремятся поддерживать, защищать и сохранять такого рода 'органические сообщества' [25, р. 17].

Связь гражданина и общества следует рассматривать не как добровольную, а как естественную по причине того, что индивид не выбирает, в какой системе сообществ и ассоциаций он родится. Но именно сеть сообществ и ассоциаций формирует человека, обеспечивает преемственность институтов, норм, обычаев и традиций, поддерживающих социальный порядок и единство, обеспечивая безопасность и стабильность. Чувство долга перед обществом основывается не на договоре, а на уважении и чести. Семья выступает основным институтом, благодаря которому индивиды приобретают привычки лояльности и преданности [19, р. 270–275]. Для коммунитарных культурных консерваторов понятие сообщества призвано акцентировать наше внимание не на коллективной ответственности, а на ответственности и обязательствах отдельных

лиц перед самими собой и перед обществом в целом [26, р. 189–190].

Общей чертой коммунитарных моделей является критика методологических оснований либеральной теории и концепции общественного договора. Во-первых, это критика концепции абстрактного оторванного от сообществ и традиций индивида, делающего выбор, опираясь исключительно на свой разум и здравый расчет. Культурные консерваторы полагают, что любого индивида следует рассматривать как конституированную, социокультурно обусловленную единицу. Личность — артефакт, сформированный обычаями и институтами, преданный определенным группам: «Люди приходят в мир, обременённый обязательствами и институтами, которые содержат в себе мудрое наследие, без которого осуществление свободы невозможно» [11, р. 6, 37]. Не существует абстрактных индивидов, действующих вне системы социокультурных связей. Приобщение к культуре через участие в социокультурных практиках сообществ рассматривается как необходимое условие интеграции человека в общество. Культурные смыслы и ценности могут быть усвоены только через приобщение к практикам. Сами же процессы, посредством которых смыслы создаются в мире, лишённом смысла, становятся одной из ключевых забот консерваторов [26, р. 195].

Во-вторых, коммунитарные консерваторы настаивают на том, что в рамках либеральной модели общество и сообщества представляют собой просто ассоциации индивидов-атомов. Коммунитарные консерваторы критикуют саму идею общественно-го договора как в варианте Томаса Гоббса и Джона Локка, так и в варианте современных договорных концепций, прежде всего либеральной теории Джона Ролза¹⁰.

Роджер Скрутон отрицает договорную теорию в гоббсовском и локковском вариантах на том основании, что общественный договор уже в момент его заключения нуждался бы в наличии отношений членства. Люди, заключающие такой договор, принимают решение о совместном будущем, то есть уже должны осознавать и исходить из того, что являются членами одного сообщества, а не просто отдельными, ничем не связанными друг с другом индивидами. Бремя принадлежности накладывает на членов сообщества взаимные обязательства. Поэтому сам договор должен заключаться в условиях существования данных обязательств. Таким образом, у нас нет морального статуса вне сообщества, нас формирует 'бремя принадлежности' [27, р. 68]. Скрутон видит основную ошибку либерализма в том, что в нем допускается возможность агента делать рациональный выбор, не используя социальное знание. Однако мы знаем, что делать и как поступать, только когда у нас есть представление о правильном и неправильном. Именно поэтому опасно отбрасывать институты, которые воспроизводят это знание [27, р. 69].

Коммунитарные культурные консерваторы критикуют индивидуализм как основную психологическую установку в отношении институтов [28, р. 225]. Элементы либеральной методологии становятся не просто умозрительными инструментами обоснования институтов, а мировоззренческими установками, задающими понимание человека, общества и государства, а также создающими определенные ценности и идеалы. Если культурный либерализм при этом рассматривается как обычное безразличие в отношении культуры (культурные вопросы,

связанные с выбором ценностей и концепций блага остаются личным выбором автономного рационального агента), то культурный прогрессизм связан с идеей о возможности морального и культурного прогресса. Сам этот прогресс интерпретируется как приближение к идеалу социальной справедливости, мыслимому как достижение равенства через освобождение индивидов от ущемляющих их свободу социальных и культурных привязанностей. Эти привязанности рассматриваются прогрессистами как причина неравенства, дискриминации и угнетения. Перед прогрессистами стоит задача — борьба с социальными конструктами, способствующими укреплению иерархических отношений в обществе. Культурные консерваторы расценивают такие стремления прогрессистов как опасные, ведущие к распаду базовых социальных институтов (семьи, авторитета и т.д.) и ценностей.

Отличительной чертой коммунитарных моделей культурного консерватизма является оригинальная интерпретация проблемы соотношения рынка и государства. Для коммунитарных консерваторов она интерпретируется как проблема соотношения рынка, государства и гражданских сообществ. Свобода собственности рассматривается в качестве одного из ключевых условий существования гражданских сообществ [29, р. 56]. Рынок рассматривается как важная часть обеспечения стабильной жизни общества и государства. Однако рынок без других общественных институтов не способен формировать общественный порядок. Он имеет ценность в силу эпистемической функции и материальных благ, которые он приносит, но он должен быть ограничен культурными и моральными рамками [26, р. 197–198]. Социальный порядок как результат взаимодействия государства и гражданских сообществ должен накладывать ограничения на свободный рынок, так как между рыночными и общественными интересами может возникнуть конфликт [30, с. 63].

4. Националистическая модель коммунитарного консерватизма. Одной из наиболее распространенных форм культурно-консервативной мысли можно назвать националистические теории. В их основе лежит два принципа. Первый связан с монистической установкой в отношении культуры и политики. Второй опирается на представление о необходимости подчинения культурной сферы государству. На современных консервативных теоретиков — Пол Готфрид, Патрик Бьюкенен, Ален де Бенуа, — которых можно отнести к данной модели, серьезное влияние оказали представители континентальной социальной и политической философии, прежде всего, Карл Шмитт, Фридрих Ницше и консервативные революционеры (Освальд Шпенглер и др.) [31].

Шмиттовское понимание политики и политического порядка в данных теориях часто сочетается с грамшианской концепцией культурной гегемонии. Культура понимается как поле политического противостояния за доминирование определенных ценностей. Сохранение или возврат к традиционным ценностям (семья, авторитет и т.д.) делает необходимым приход к власти консервативных политических сил.

Сторонники националистической модели являются плюралистами на международном уровне, однако выступают за культурный монизм на уровне внутригосударственном. Поэтому во внешней политике консерваторы-националисты являются противниками гомогенизации, универсализма

и космополитизма. Социально ориентированный либерализм, опирающийся на прогрессизм в культурной сфере, рассматривается ими как основной политический 'враг'. Глобальная либеральная идеология воспринимается сторонниками этой модели как угроза традициям, социальным порядкам, государствам и идентичностям, которые противостоят ее экспансии. Глобальный либерализм представляет опасность: он разрушает традиционные сообщества, распространяет гедонистические ценности и практики, подрывающие чувство ответственности, добродетели и институты, обеспечивающие стабильность обществ и их дальнейшее развитие. Основная цель сторонников националистической модели — разрушить миф об абстрактном универсальном порядке, создать контрмиф о нации как об уникальном культурном порядке, требующем лояльности, солидарности и дисциплины. Причем нация мыслится здесь в нативистском смысле, то есть предполагает исключение тех, кто не адаптируется к ее культуре [32].

Консерваторы-националисты рассматривают либерализм и прогрессизм как концепции, в основании которых лежат идеалы эгалитаризма и эмансипации. Этот идеал продвигается классом 'новых менеджеров', который желает создать единое гомогенное сообщество, в котором не будет места значимым различиям, порождаемым традиционными привязанностями.

Помимо общей критики националистической модели со стороны 'естественных' противников в лице культурных прогрессистов и сторонников социальной справедливости, существует достаточно обширная критика и со стороны культурных консерваторов, придерживающихся альтернативных взглядов.

Данный тип культурного консерватизма был раскритикован в работах Ханса-Хермана Хоппе, который указал, как этатистское управление социокультурными процессами может приводить к разрушению традиционных институтов и ценностей путем подрыва системы моральных стимулов [33, р. 189–199]. Ответственность как ключевой моральный ориентир консерваторов перестает культивироваться на уровне гражданских сообществ. Это не означает, что государство не может само по себе культивировать моральные ориентиры. Однако вмешательство государства в сферу ценностей и социокультурных практик рассматривается как угроза гражданским ассоциациям, а также нарушение спонтанных процессов, порождающих 'естественные' институты и ценности. Кроме того, чрезмерное использование государственного аппарата, расширение его полномочий в социальной, экономической и культурной сфере в целях национально-культурной гомогенизации государства (для сохранения своей идентичности на глобальном уровне) несет в себе угрозы установления деспотической власти, а гражданское общество при этом перестаёт играть роль 'буфера' между государством и индивидом, обеспечивающего автономию сообществ и индивидов от центральной государственной власти.

5. Плюралистическая модель коммунитарного консерватизма. Внутри консерватизма можно выделить ряд теорий, для которых характерно неприятие универсализма, политического и культурного монизма. В качестве альтернативы такие теории предлагают плюралистическую модель. Наиболее яркими теоретиками консервативного плюрализма

считаются Роберт Нисбет, Джон Грей, Патрик Деннин и Аласдер Макинтайр.

Ключевые принципы модели следующие: (а) культура играет решающее значение для сохранения порядка и стабильности в обществе, для его воспроизводства; (б) культура нуждается в консервативном отношении; (в) сохранение культуры связано с сохранением сообществ; (г) наилучшим методом сохранения культура(ы) является политический и культурный плюрализм при условии децентрализации государства.

Нисбет в своих работах отталкивается от концепции плюрализма авторитетов (привязанностей), которая приводит к тому, что центральное правительство не монополизировало власть над индивидами. Отдельные сообщества индивидов имеют иерархию, основаны на отношениях авторитета, выдвигают определенные цели, порождают чувство солидарности, уникальности и систему духовных ценностей [34]. При этом не отвергается нация как культурное образование. Для всех консервативных культурных плюралистов характерно признание национальной идентичности как важного элемента, обеспечивающего единство различных сообществ. Нация в таком случае рассматривается как сообщество сообществ. Помимо общего патриотизма и преданности общей культуре плюралистическая модель предполагает процветание 'малых патриотизмов' и преданности локальным субкультурам [22, р. 2–3].

Централизация государственной политики с целью обеспечения идеалов равенства и эмансипирующей свободы (как свободы от традиций и сообществ) зачастую направляется на достижение ценностного и политического монизма, стирание различий, порождаемого разнообразием сообществ [35]. В работах Нисбета подробно описан процесс перехода от коммунитарного плюрализма, основанного на системе традиционных привязанностей, к деспотическим и тираническим формам правления. Основной причиной этого перехода, как указывает Нисбет, может служить чрезмерная индивидуализация, атомизация обществ, проистекающая из-за реализации политической программы, преследующей идеалы равенства и эмансипации от социальных и культурных привязанностей [36].

Коммунитарная теория Макинтайра — одна из коммунитаристских концепций, которая получила признание и среди консерваторов [4, с. 106]. Коммунитаризм Макинтайра можно сочетать с аксиологическими установками культурных консерваторов. Его концепция опирается на идею Аристотеля о сообществе, выстроенном на основе иерархии, в котором положение индивида и ценность деятельности оцениваются в соответствии с добродетелями и заслугами (вклад в общее благо) [37, с. 80–82]. Макинтайр отдельно подчеркивает особую роль сообществ в формировании добродетелей. При этом важное значение имеет участие индивидов в практиках именно локальных сообществ с их моральными традициями. Участие в практиках сообществ позволяет усваивать определенные стандарты совершенства и развивать добродетели, необходимые для достижения благ [38]. Несмотря на неоднозначное отношение самого Макинтайра к консерватизму, большинство его идей (ценность институтов как условия сохранения практик, акцент на внутренних ценностях, культивирование добродетелей, важная роль традиций) могут быть использованы в защиту коммунитарных культурно-консервативных теорий.

Коммунитарная теория Макинтайра, например, может дополнять плюралистическую концепцию Нисбета [39].

Грей в своих работах опирается на идею Исайи Берлина о плюрализме ценностей, который можно интерпретировать как культурный плюрализм. Так же, как и остальные консерваторы, он отвергает культурный и моральный релятивизм. Мир (порядок и стабильность) и справедливость — универсальные блага, но порой они выдвигают несовместимые требования. Антиэгалитаристский посыл концепции Грея заключается в критике равенства в качестве универсальной ценности. Он также является критиком прогрессистской концепции свободы как эмансипации от социально-культурных привязанностей.

Культуры по Грею являются несоизмеримыми, поэтому невозможно сделать правильный рациональный выбор между ними. Приверженность, например, либерализму опирается, скорее, на приверженность англо-американской культурной традиции. Лояльность либеральному государству — это лояльность к воплощаемой в нем культуре. Соответственно, данная культура может рассматриваться в качестве единой национальной культуры, которая допускает сосуществование внутри государства различных субкультур. По мнению Грея, не существует чисто политической лояльности, так как последняя всегда предполагает культурную идентичность, отраженную в политическом устройстве, к которому обращена эта лояльность. Политический порядок основан на дополитическом культурном порядке общества. Сохранение, например, либерального порядка связано напрямую с сохранением культурной идентичности граждан либеральных стран [40, с. 158].

Культурный (ценностный) плюрализм предполагает реализацию принципа *modus vivendi*. Данный принцип предполагает поиск условий для мирного сосуществования конфликтующих образов жизни. Справедливость интерпретируется по-разному различными сообществами. Основная задача политической философии должна состоять не в поисках принципов для построения справедливого общества в соответствии с каким-либо конкретным пониманием справедливости, а в поиске институтов, обеспечивающих сосуществование различных ценностных систем.

Плюрализм не предполагает разнообразия личных этических убеждений и идеалов. Он связан с признанием разных образов жизни. Для последних характерно то, что они практикуются множеством людей, охватывают несколько поколений, порождают идентичности, содержат отличительные практики, убеждения и ценности, исключают тех, кто ведет иной образ жизни.

Ключевое замечание Грея в отношении современных либеральных теорий состоит в том, что различные взгляды на благо предполагают различные взгляды на справедливость. В то же время либеральные теории указывают на то, что требования справедливости должны иметь приоритет над любыми концепциями блага. Например, Грей указывает, что Джон Ролз и Фридрих фон Хайек по-разному понимают справедливость именно потому, что исходят из различных концепций блага [41].

Индивиды черпают идентичность из сообществ, к которым они принадлежат. Ценности, которые индивиды усваивают через участие в практиках сообществ, не создаются, а открываются. Поэтому

сообщества являются необходимым условием для формирования идентичности и ценностей каждого отдельного индивида. Рыночные и политические институты опираются на культурный фундамент, состоящий из ценностей и практик общества, которые придают определённую форму этим институтам.

Еще одним сторонником плюралистической модели можно назвать Денина, критикующего либеральный универсализм и монизм. Он пишет о культурном либерализме, а не о либеральных институтах. Более того, Денин описывает процессы формирования либеральных институтов в 'долиберальный' период [16, р. 21–23]. Процветание требует культуры как системы ограничений, дисциплины и формы. Сообщества поддерживают стандарты и модели поведения, выполняют образовательные и воспитательные функции. Плюралистическая система, предполагающая многообразие авторитетов и локальных культурных традиций — условие поддержания механизмов, порождающих чувство ответственности, дисциплинирующих индивида и включающих его в систему практик, в которых индивид усваивает ценности, воспитывает в себе добродетели.

Все сторонники плюралистической модели указывают на то, что, несмотря на приверженность принципу множественности центров авторитета, которые предполагают многообразие субкультур, необходимым условием поддержания единства и стабильности является чувство национальной идентичности у членов политического сообщества. Однако данный вопрос, как и вопрос о соотношении национальной и локальной культурной идентичностей, остается не до конца проясненным в рамках данных концепций.

Плюралистическая модель не связана с политической философией мультикультурализма, так как не ставит в центр внимания вопрос о справедливости в мультикультурном обществе. Более того, культурное разнообразие в рамках данной модели ограничено рамками комплиментарности культур. Порядок и мирное сосуществование имеют абсолютный приоритет перед правами на идентичность, сохранением культурных особенностей и так далее. Нередко консервативные плюралисты противопоставляют свои концепции мультикультурализму как абстрактной концепции, дающей сбои на практике.

6. Национальная модель коммунитарного консерватизма. Существует возможность выделить отдельную модель культурного консерватизма, сочетающую в себе элементы националистической и плюралистической теорий. Довольно часто плюралистические теоретики (Роберт Нисбет, Джон Грей) имплицитно придерживаются взглядов, схожих с данной моделью. Однако, заявляя о важности национальной идентичности, плюралисты не приводят доводов, а также не пытаются выстроить теоретического обоснования того, как должны решаться проблемы соотношения 'малых' культурных идентичностей с 'большой' национальной идентичностью. Кроме того, если вопрос локальной культурной идентичности ассоциируется с идеей спонтанного порядка, а возникновение локальных культурных практик и ценностей как часть естественного стихийного процесса, то национальная идентичность имеет для них искусственно сконструированный характер и связана с государственной культурной политикой.

Национальная модель культурного консерватизма представлена в работах Роджера Скрутона. Британский философ совмещает бёрковский принцип защиты свободы 'малых отрядов' с идеей нации и национальной идентичности как общей принадлежности и инструмента интеграции в единое политическое сообщество. Национальная идентичность опирается на представление об общей культуре. С точки зрения Скрутона, культура — это вопрос знания и понимания, она усваивается на практике, а не в теории. Общая культура имеет большое значение, так как она формирует поведение, мышление человека вплоть до его чувственно-эмоциональных реакций [42, р. 55–57]. Общая культура культивирует идентичность общества через язык, религию, искусство, историю. Она определяет сущность нации, проявляется в обычаях, верованиях и ценностях [43].

Государство в рамках данной модели рассматривается как институт, защищающий общую культуру от внутренних и внешних 'угроз' [9, р. 457]. Под 'внутренними угрозами' здесь понимаются прогрессистские эгалитаристские тенденции движений за эмансипацию, под 'внешними угрозами' — опасность диссоциации общей культурной идентичности из-за мультикультурализма.

Для Скрутона лояльность нации является необходимым условием стабильности общества, единства и чувства принадлежности [44, р. 1]. Национальная принадлежность — единственная форма членства, которая показала себя способной поддерживать демократический процесс и верховенство права. Национальная лояльность основана на любви к месту, обычаям и традициям, которую следует отличать от крайнего национализма, проявляющегося в нетерпимости к другим нациям и культурам [44, р. 10–17].

Национальная идентичность имеет ряд преимуществ перед другими формами обеспечения лояльности, она включает в себя связь через взаимные обязательства независимо от семейной принадлежности и вероисповедания, возможности совмещать данную идентичность с принципами свободы слова, совести, мнений. Законы в таком случае получают легитимность в глазах граждан данной страны и распространяются на территорию, которая им принадлежит. Национальная идентичность и преданность общей национальной культуре позволяет быстро объединиться перед лицом общей угрозы; создает условия для примирения представителей разных классов, слоев, групп и приводит к поиску консенсуса; сохраняет чувство уважения к суверенитету и правам личности.

Анализ концепции национального культурного консерватизма позволяет сделать три ключевых вывода. Во-первых, национальная модель связана с поиском ориентиров для формирования социальной культуры. При этом допускаются разговоры как о 'тонкой', так и о 'толстой' идентичности в силу толерантности консерватизма к национальным различиям, допущению множественности несоизмеримых культурных и политических традиций¹¹. Во-вторых, национальная модель позволяет расставить приоритеты: общие ценности и принципы, лежащие в основе национальной культуры, имеют приоритет перед локальными идентичностями, их разнообразие допускается, но для поддержания стабильности и порядка эти идентичности должны быть комплементарны общей культуре, тем самым фактически допускается лишь 'субкультурность'.

В-третьих, локальные сообщества имеют ценность, так как именно на уровне малых сообществ формируются ключевые добродетели ответственности, преданности и самоконтроля, важные для культурных консерваторов. Поэтому государство, проводя интегральную национально-культурную политику, должно заботиться о их состоянии. И, наконец, в-четвертых, в области культуры приоритет должен отдаваться соображениям порядка и безопасности перед соображениями справедливости (хотя последняя и не исключается из области ценностных приоритетов полностью).

7. Проблемы и перспективы коммунитарных моделей культурного консерватизма. Коммунитарные модели культурного консерватизма направлены не столько на критику нормативных выводов либеральных теорий, сколько на критику методологических и аксиологических аспектов либерализма. Более того, культурный консерватизм в национальной и плюралистической форме приходит к выводам, близким к нормативным положениям классического либерализма и либертарианства. Основная задача коммунитарной культурно-консервативной критики связана с методологическими аспектами договорных теорий. Коммунитарные культурные консерваторы пытаются не просто показать несостоятельность либерально-прогрессистской методологии, а указать на опасность трансформации исходных методологических допущений в аксиологические ориентиры. Наделение абстрактных категорий либеральной теории статусом ценностных ориентиров для проведения определенной социальной и культурной политики для достижения общества равных эмансипированных индивидов с точки зрения культурных консерваторов несет опасность для стабильности социального порядка, приводит к исчерпанию материальных и социокультурных ресурсов, необходимых для воспроизводства обществ.

Различные коммунитарные модели культурного консерватизма подчеркивают разные способы и формы сохранения культурных инструментов поддержания социального порядка. Имея общие исходные методологические и аксиологические установки, сторонники разных коммунитарных моделей расходятся в вопросе институциональных ограничений. Основная проблема состоит в том, как именно должен решаться вопрос соотношения государства гражданского общества и рынка как трех элементов, играющих важную роль в культурных процессах. Националистическая модель имеет явный перекос в сторону государства как основного инструмента проведения социальной и экономической политики. Плюралистическая модель отдает приоритет гражданским сообществам и в меньшей степени занимается вопросом обеспечения общенационального единства. Национальная модель, совмещая две вышеуказанные, признает область культуры и ценностей внутренним делом гражданских сообществ, опирается (как и плюралистическая модель) на идею спонтанного порядка, но уделяет также важное внимание роли общей национальной культуры, имеющей социальный характер, для поддержания общей идентичности, что дает ей некоторые преимущества перед двумя другими моделями. Тем не менее все перечисленные модели, имея потенциал для дальнейшей разработки, все же не решают ряд важных проблем. Например, проблему выработки собственной концепции справедливости. Консерватизм считает приоритетным решение задач, связанных с поддер-

жанием стабильности, безопасности, социального порядка, но культурные консерваторы не выработали своей собственной теории справедливости. Создание такой теории в рамках консервативной интеллектуальной топики, принимая общие исходные принципы консервативного стиля мышления об ограниченной рациональности в вопросах социального и политического знания, а также выраженный практико-ориентированный характер консервативной мысли, — непростая задача. Но это вовсе не исключает возможности поиска дополнительных способов обоснования некоторых ключевых для культурного консерватизма положений (свободы как самоуправления, критики эгалитаризма, ориентации на традицию и культуру). Безусловно, культурный консерватизм — прежде всего критическая теория, тесно связанная с анализом либеральных и прогрессистских концепций. Однако он имеет и собственные концептуальные ориентиры в виде сообществ, защиты отношений авторитета, культивации ответственности и идентичности.

На наш взгляд, принятые в качестве исходных коммунитарные принципы предоставляют лучшие перспективы для развития культурно-консервативных теорий, нежели либертарные в силу двух обстоятельств. Во-первых, культурные консерваторы могут заимствовать и перерабатывать наработки теоретиков коммунитаризма, с позициями которых они в некоторой степени солидарны. Во-вторых, в своей изначальной форме консервативная мысль ориентировалась на коммунитарное понимание общества и человека.

Отдельно следует отметить, что аргументация культурных консерваторов не может быть выстроена исключительно дедуктивным способом, без ссылок на практический опыт, учета тех или иных ограничений применения рационального метода в политике. Поэтому обоснование роли ключевых для культурных консерваторов принципов является для них приоритетной концептуальной задачей, так как эффективная политико-философская теория не может исчерпываться лишь своей критической составляющей.

Примечания

¹ Консерватизм здесь «рассматривается в качестве идеологии, возникающей при особых, но повторяющихся исторических ситуациях, когда существует фундаментальная угроза устоявшимся институтам и при которых сторонники данных институтов используют консервативную идеологию в качестве защиты» [2, с. 232].

² Миссией консерватизма Ремизов называет 'возобновление истоков', под которым подразумевается сохранение ресурсов, вроде трудовой этики, семейной этики, ценностей общества и т.д. [3].

³ Сторонники мангеймовского подхода выделяют в качестве базовых консервативных оснований органицизм, холизм, а также иногда и культурный фундаментализм [4, с. 103]. Англо-американские консерваторы часто ссылаются на положение, выделенные Расселлом Кирком [6], продолжателем традиции Эдмунда Бёрка. Исследователи консерватизма делают попытки найти некий общий 'первопринцип' консерватизма. Интересная трактовка была предложена Ильей Дёминым, который считает, что таковым является 'защита границ' и/или 'апология ограниченности' [7].

⁴ Культурный прогрессизм можно охарактеризовать как установку в области ценностей и культурных практик, цель которой состоит в переориентации базовых ценностей и норм общества в соответствии с идеалами свободы и равенства.

Культурные прогрессисты критикуют традиционные нормы и ценности как преграды, стоящие на пути к более справедливому обществу.

⁵ Необходимо отличать культурный консерватизм в более узком значении, под которым понимается консерватизм в культуре как в особой сфере и который не имеет в качестве своего предмета политические институты или полномочия правительства [11, р. 57]. Теории и концепции, анализируемые в рамках данной статьи, делают акцент на обусловленности политических, экономических и социальных явлений культурой.

⁶ Некоторые исследователи указывают на то, что смена ориентации с экономической на социокультурную связана с интеллектуальной победой правых доктрин в экономике, кризисом социализма и успехом капитализма [12, с. 265–291]. В капиталистических западных обществах наметился ценностный раскол между сторонниками традиционных ценностей и прогрессистами [13].

⁷ Хантингтон отмечает, что в современном мире «культура и различные виды культурной идентификации определяют модели сплочённости, дезинтеграции и конфликта» [15, с. 15].

⁸ Патрик Денин использует термин 'антикультура', чтобы подчеркнуть, что либерализм (особенно в прогрессистской форме) опирается на идею личной автономии и прямо связан с идеей эмансипации от культурных традиций [16, р. 66–79].

⁹ По этому поводу Бёрк писал: «Что такое свобода без мудрости и добродетели? Это величайшее из всех возможных зол, порок и безумие, не поддающиеся обузданию» [18, с. 355].

¹⁰ В отношении критики ролзовской концепции часть консерваторов солидаризируется с Р. Нозиком. Существует и альтернативный подход в рамках консервативной теории к критике ролзовской «Теории справедливости», предложенный Грантом [27].

¹¹ Культурные консерваторы, допуская различия национальных культур, не выдвигают каких-либо единых требований. Социетальная культура может быть как 'тонкой' (язык, признание общих институтов и гражданства), так и 'толстой' (общая религия, история, ценности и т.д.).

Библиографический список

1. Oakeshott M. On Being Conservative // *Rationalism in Politics and Other Essays*. Indianapolis: Liberty Fund, 1991. P. 407–437.
2. Хантингтон С. Консерватизм как идеология / пер. с англ. А. Закутина // *Тетради по консерватизму*. 2016. № 1. С. 231–250. DOI: 10.24030/2409-2517-2016-1-231-250.
3. Ремизов М. В. Консерватизм как стиль мышления и политическая повестка // *Тетради по консерватизму*. 2014. № 1. С. 79–83.
4. Ремизов М. В. Миссия консерватизма в современном мире // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2010. № 4. С. 97–106.
5. Мангейм К. Идеология и утопия / пер. с нем. М. Левиной // *Утопия и утопическое мышление. Антология зарубежной литературы*. Москва: Прогресс, 1991. С. 113–169.
6. Kirk R. *The Conservative Mind: From Burke to Eliot*. Washington, D.C.: Regnery Publishing, 2001. 535 p.
7. Дёмин И. В. К вопросу об 'общем знаменателе' различных типов консерватизма // *Политика и общество*. 2017. № 9. С. 42–57. DOI: 10.7256/2454-0684.2017.9.23418.
8. Ионин А. Консерватизм // *Логос*. 2005. № 3 (48). С. 3–73.
9. Rayner J. *Philosophy into Dogma: The Revival of Cultural Conservatism* // *British Journal of Political Science*. 1986. Vol. 16, № 4. P. 455–473. DOI: 10.1017/S000712340000452X.
10. Trimcev E. *Conservatism: Empirical or Metaphysical?* // *Cosmos + Taxis*. 2019. Vol. 6, № 3/4. P. 3–14.
11. Scruton R. *Conservatism. An Invitation to the Great Tradition*. New York: St. Martin Press, 2018. 176 p.

12. Хикс С. Объясняя постмодернизм / пер. с англ. А. Шуваловой. Москва: РИПОЛ классик, 2021. 320 с.
13. Hunter J. D. Culture Wars: The Struggle to Define America. New York: Basic Books, 1991. 432 p.
14. Куренной В. Исследовательская и политическая программа культурных исследований // Логос. 2012. № 1 (85). С. 14–79.
15. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. Москва: АСТ, 2003. 603 с.
16. Deneen P. J. Why Liberalism Failed. New Haven: Yale University Press, 2018. 225 p.
17. Woods T. E. Defending the 'Little Platoons': Communitarianism in American Conservatism // American Studies. 1999. Vol. 40, № 3. P. 127–145.
18. Бёрк Э. Размышления о революции во Франции / пер. с англ. С. Векслер. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. 411 с.
19. Scruton R. Conservative Texts: An Anthology. London: Palgrave Macmillan, 1991. 352 p.
20. Константинов М. С., Николаев И. В. Фреймы и концепты морального обоснования консерватизма // Политическая концептология. 2013. № 4. С. 213–226.
21. Руткевич Е. Д. Социологическая концепция Роберта Нисбета // Социологический журнал. 1999. № 1/2. С. 27–43.
22. Nisbet R. Conservatives and Libertarians: Uneasy Cousins // Modern Age. 1980. Vol. 24, № 1. P. 2–8.
23. Парфенов А. Д. Либертарианская модель культурного консерватизма // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 3. С. 60–66. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-60-66.
24. Тённис Ф. Общность и общество: основные понятия чистой социологии / пер. с нем. Д. Складнева. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2002. 452 с.
25. Henrie M. C. Understanding Traditional Conservatism // Varieties of Conservatism in America / Ed. P. Berkowitz. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 2004. P. 1–30.
26. Ireland P. Reflections on a Rampage Through the Barriers of Shame: Law, Community, and the New Conservatism // Journal of Law and Society. 1995. Vol. 22, № 2. P. 189–211. DOI: 10.2307/1410403.
27. Cockram N. R. The Forked Road: Scruton, Grant and the Conservative Critique of Liberalism // Cosmos+Taxis. 2019. Vol. 6, № 3/4. P. 66–77.
28. Nisbet R. Community and Power (formerly The Quest for Community). New York: Oxford University Press, 1962. 303 p.
29. Sheahan L. C. Conservative, Pluralist, Sociologist: Robert Nisbet's Burke // Studies in Burke and His Time. 2019. Vol. 28. P. 28–63.
30. Скрутон Р. Как быть консерватором / пер. с англ. Б. Дынина. Москва, 2021. 211 с.
31. Drolet J. F., Williams M. C. America First: Paleoconservatism and the Ideological Struggle for the American Right // Journal of the Political Ideologies. 2020. Vol. 25, № 1. P. 28–50. DOI: 10.1080/13569317.2020.1699717.
32. Готфрид П. Палеоконсерваторы: правые изгои Америки / пер. с англ. П. Паршина // Тетради по консерватизму. 2016. № 1. С. 77–84. DOI: 10.24030/2409-2517-2016-1-77-84.
33. Hoppe H.-H. Democracy: The God That Failed. The Economics and Politics of Monarchy, Democracy, and Natural Order. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2007. 304 p.
34. Sheahan L. C. State, Community, and Individual: Robert Nisbet and Freedom of Association in American Constitutionalism: Ph. D. Dissertation in Political Sciences. Washington, D. C.: The Catholic University of America, 2016. 286 p.
35. Nisbet R. A. The New Despotism // Studies in Social Theory. Menlo Park, CA: Institute for Humane Studies, 1976. № 6. P. 3–34.
36. Nisbet R. A. The Quest for Community: A Study in the Ethics of Order and Freedom. New York: Oxford University Press, 1953. 303 p.
37. Канарш Г. Ю. Справедливость и идея сообщества // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 4. С. 77–86.
38. MacIntyre A. The Nature of the Virtues // The Hastings Center Report. 1981. Vol. 11, № 2. P. 27–34. DOI: 10.2307/3561072.
39. Young D. E. A Dead End in Alasdair MacIntyre's Political Thought? Institutions, Pluralism, and the Liberal Tradition // Journal of Religion, Culture & Democracy. 2022. Vol. 1. P. 1–16.
40. Грей Дж. Поминки по Просвещению: политика и культура на закате современности / пер. с англ. Е. Переяславцевой, Е. Рудницкой, М. Фетисова. Москва: Практис, 2003. 368 с.
41. Gray J. Two Faces of Liberalism. New York: The New Press, 2002. 161 p.
42. Scruton R. The Significance of Common Culture // Philosophy. 1979. Vol. 54, № 207. P. 51–70. DOI: 10.1017/s0031819100024876.
43. Scruton R. Modern Culture. London: Bloomsbury, 2018. 192 p.
44. Scruton R. England and the Need for Nations. London: Civitas: Institute for the Study of Civil Society, 2004. 54 p.

ПАРФЕНОВ Александр Дмитриевич, аспирант, ассистент кафедры философии, медиа и журналистики Тюменского государственного университета, г. Тюмень.
 AuthorID (РИНЦ): 1141812
 ORCID: 0000-0003-1241-5409
 Адрес для переписки: forlanatletico@mail.ru

Для цитирования

Парфенов А. Д. Коммунитарные модели культурного консерватизма // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 75–84. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-75-84.

Статья поступила в редакцию 17.11.2023 г.

© А. Д. Парфенов

COMMUNITARIAN MODELS OF CULTURAL CONSERVATISM

The article analyses communitarian models of cultural conservatism. The specific features of cultural conservatism as a form of conservative theory are revealed. A comparative analysis of various communitarian models for cultural conservatism is carried out, their common and specific features are identified. It is concluded that the initial communitarian principles of cultural conservatives can lead to different assessments of the role of the state in the implementation of cultural and national policies, as well as the most preferable ways of protecting and preserving values.

Keywords: conservatism, cultural conservatism, cultural policy, communitarianism.

References

1. Oakeshott M. On Being Conservative // Rationalism in Politics and Other Essays. Indianapolis: Liberty Fund, 1991. P. 407–437. (In Engl.).
2. Huntington S. Konservatizm kak ideologiya [Conservatism as an Ideology] / trans. from Engl. A. Zakutin // Tetradi po konservatizmu. *Notebooks on Conservatism*. 2016. No. 1. P. 231–250. DOI: 10.24030/2409-2517-2016-1-231-250. (In Russ.).
3. Remizov M. V. Konservatizm kak stil' myshleniya i politicheskaya povestka [Conservatism as a Style of Thinking and Political Agenda] // Tetradi po konservatizmu. *Notebooks on Conservatism*. 2014. No. 1. P. 79–83. (In Russ.).
4. Remizov M. V. Missiya konservatizma v sovremennom mire [The Mission of Conservatism in the Modern World] // Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo. *Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2010. No. 4. P. 97–106. (In Russ.).
5. Mannheim K. Ideologiya i utopiya [Ideology and Utopia] / transl. by Germ. M. Levinoy // Utopiya i utopicheskoye myshleniye. Antologiya zarubezhnoy literatury. [Utopia and Utopian Thinking. Anthology of Foreign Literature]. Moscow, 1991. P. 113–169. (In Russ.).
6. Kirk R. The Conservative Mind: From Burke to Eliot. Washington, D.C.: Regnery Publishing, 2001. 535 p. (In Engl.).
7. Demin I. V. K voprosu ob 'obshchem znamenateli' razliynykh tipov konservatizma [On the Question of the 'Common Denominator' of Different Types of Conservatism] // Politika i obshchestvo. *Politics and Society*. 2017. No. 9. P. 42–57. DOI: 10.7256/2454-0684.2017.9.23418. (In Russ.).
8. Ionin L. Konservatizm [Conservatism] // Logos. *Logos*. 2005. No. 3 (48). P. 3–73. (In Russ.).
9. Rayner J. Philosophy into Dogma: The Revival of Cultural Conservatism // British Journal of Political Science. 1986. Vol. 16, no. 4. P. 455–473. DOI: 10.1017/S000712340000452X. (In Engl.).
10. Trimcev E. Conservatism: Empirical or Metaphysical? // Cosmos+Taxis. 2019. Vol. 6, no. 3/4. P. 3–14. (In Engl.).
11. Scruton R. Conservatism. An Invitation to the Great Tradition. New York: St. Martin Press, 2018. 176 p. (In Engl.).
12. Hicks S. Obyasnyaya postmodernizm [Explaining Postmodernism] / trans. from Engl. A. Shuvalovoy. Moscow, 2021. 320 p. (In Russ.).
13. Hunter J. D. Culture Wars: The Struggle to Define America. New York: Basic Books, 1991. 432 p. (In Engl.).
14. Kurennoy V. Issledovatel'skaya i politicheskaya programma kul'turnykh issledovaniy [Research and Policy Program of Cultural Studies] // Logos. *Logos*. 2012. No. 1 (85). P. 14–79. (In Russ.).
15. Huntington S. Stolknoveniye tsivilizatsiy [The Clash of Civilizations] / trans. from Engl. T. Velimeeva, Yu. Novikova. Moscow, 2003. 603 p. (In Russ.).
16. Deneen P. J. Why Liberalism Failed. New Haven: Yale University Press, 2018. 225 p. (In Engl.).
17. Woods T. E. Defending the 'Little Platoons': Communitarianism in American Conservatism // American Studies. 1999. Vol. 40, no. 3. P. 127–145. (In Engl.).
18. Burke E. Razmyshleniya o revolyutsii vo Frantsii [Reflections on the Revolution in France] / trans. from Engl. S. Vekslera. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. 411 p. (In Russ.).
19. Scruton R. Conservative Texts: An Anthology. London: Palgrave Macmillan, 1991. 352 p. (In Engl.).
20. Konstantinov M. S., Nikolaev I. V. Freymy i kontsepty moral'nogo obosnovaniya konservatizma [Frames and Concepts of Moral Justification for Conservatism] // Political Conceptology. 2013. No. 4. P. 213–226. (In Russ.).
21. Rutkevich E. D. Sotsiologicheskaya kontseptsiya Roberta Nisbeta [Sociological Concept of Robert Nisbet] // Sotsiologicheskii zhurnal. *Sociological Journal*. 1999. No. 1/2. P. 27–43. (In Russ.).
22. Nisbet R. Conservatives and Libertarians: Uneasy Cousins // Modern Age. 1980. Vol. 24, no. 1. P. 2–8. (In Engl.).
23. Parfenov A. D. Libertarianskaya model' kul'turnogo konservatizma [Libertarian Model of Cultural Conservatism] // Omskiy nauchnyy vestnik. *Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'.* *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 3. P. 60–66. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-60-66. (In Russ.).
24. Tönnies F. Obshchnost' i obshchestvo: osnovnyye ponyatiya chistoy sotsiologii [Community and Society: Basic Concepts in Pure Sociology] / trans. from Germ. D. B. Sklyadneva. Saint Petersburg, 2002. 452 p. (In Russ.).
25. Henrie M. C. Understanding Traditional Conservatism // Varieties of Conservatism in America / Ed. P. Berkowitz. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 2004. P. 1–30. (In Engl.).
26. Ireland P. Reflections on a Rampage Through the Barriers of Shame: Law, Community, and the New Conservatism // Journal of Law and Society. 1995. Vol. 22, no. 2. P. 189–211. DOI: 10.2307/1410403. (In Engl.).
27. Cockram N. R. The Forked Road: Scruton, Grant and the Conservative Critique of Liberalism // Cosmos+Taxis. 2019. Vol. 6, no. 3/4. P. 66–77. (In Engl.).

28. Nisbet R. A. *Community and Power* (formerly *The Quest for Community*). New York: Oxford University Press, 1962. 303 p. (In Engl.).
29. Sheahan L. C. *Conservative, Pluralist, Sociologist: Robert Nisbet's Burke* // *Studies in Burke and His Time*. 2019. Vol. 28. P. 28–63. (In Engl.).
30. Scruton R. *Kak byt' konservatorom* [How to Be a Conservative] / trans. from Engl. B. Dynina. Moscow, 2021. 211 p. (In Russ.).
31. Drolet J. F., Williams M. C. *America First: Paleoconservatism and the Ideological Struggle for the American Right* // *Journal of the Political Ideologies*. 2020. Vol. 25, no. 1. P. 28–50. DOI: 10.1080/13569317.2020.1699717. (In Engl.).
32. Gottfried P. *Paleokonservatory: pravye izgoi Ameriki* [Paleoconservatives: America's Right-Wing Outcasts] / trans. by Engl. P. Parshina // *Tetradi po konservatizmu. Notebooks on Conservatism*. 2016. No. 1. P. 77–84. DOI: 10.24030/2409-2517-2016-1-77-84. (In Russ.).
33. Hoppe H.-H. *Democracy: The God That Failed. The Economics and Politics of Monarchy, Democracy, and Natural Order*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2007. 304 p. (In Engl.).
34. Sheahan L. C. *State, Community, and Individual: Robert Nisbet and Freedom of Association in American Constitutionalism*: Ph. D. Dissertation in Political Sciences. Washington, D. C.: The Catholic University of America, 2016. 286 p. (In Engl.).
35. Nisbet R. A. *The New Despotism* // *Studies in Social Theory* No. 6. Menlo Park, CA: Institute for Humane Studies, 1976. P. 3–34. (In Engl.).
36. Nisbet R. A. *The Quest for Community: A Study in the Ethics of Order and Freedom*. New York: Oxford University Press, 1953. 303 p. (In Engl.).
37. Kanarsh G. Yu. *Spravedlivost' i ideya soobshchestva* [Justice and Community Idea] // *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye. Knowledge. Understanding. Skills*. 2010. No. 4. P. 77–86. (In Russ.).
38. MacIntyre A. *The Nature of the Virtues* // *The Hastings Center Report*. 1981. Vol. 11, no. 2. P. 27–34. DOI: 10.2307/3561072. (In Engl.).
39. Young D. E. *A Dead End in Alasdair MacIntyre's Political Thought? Institutions, Pluralism, and the Liberal Tradition* // *Journal of Religion, Culture & Democracy*. 2022. Vol. 1. P. 1–16. (In Engl.).
40. Gray J. *Pominki po Prosveshcheniyu: Politika i kul'tura na zakate sovremennosti* [Enlightenment's Wake: Politics and Culture at the Close of the Modern Age] / trans. from Engl. E. Pereyaslavtsev, E. Rudnitskoy, M. Fetisova. Moscow, 2003. 368 p. (In Russ.).
41. Gray J. *Two Faces of Liberalism*. New York: The New Press, 2002. 161 p. (In Engl.).
42. Scruton R. *The Significance of Common Culture* // *Philosophy*. 1979. Vol. 54, no. 207. P. 51–70. DOI: 10.1017/s0031819100024876. (In Engl.).
43. Scruton R. *Modern Culture*. London: Bloomsbury, 2018. 192 p. (In Engl.).
44. Scruton R. *England and the Need for Nations*. London: Civitas: Institute for the Study of Civil Society, 2004. 54 p. (In Engl.).

PARFENOV Alexander Dmitrievich, Graduate Student, Assistant of Philosophy, Media and Journalism Department, Tyumen State University, Tyumen. AuthorID (RSCI): 1141812. ORCID: 0000-0003-1241-5409 Correspondence address: forlanatletico@mail.ru

For citations

Parfenov A. D. *Communitarian Models of Cultural Conservatism* // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 1. P. 75–84. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-75-84.

Received November 17, 2023.
© A. D. Parfenov